

Патрушев Сергей

Белый волк

Сергей Патрушев

Белый волк

<https://litres.ru/74505733>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса, воспитанница суровой горной гильдии «Серебряная Стая», узнаёт страшную правду: её родители великие маги ветра были казнены по приказу короля. Воспитанная Белым Волком Генри на грани выживания, она открывает в себе разрушительную силу.

Когда наставник погибает, защищая её, Алиса становится новым лидером Стаи. Теперь ей предстоит не просто выжить в мире политических интриг и древних тайн, но и объединить Север, чтобы обрушить на предателей карающую мощь стихии. Это история о том, как боль превращается в бурю, а сирота в легенду.

Содержание

Глава 1. Гора Серебряного Ветра	4
Глава 2. Спасённая из пепла	16
Глава 3. Заказ из столицы	33
Глава 4. Тени прошлого Генри	53
Глава 5. Дорога вниз	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Сергей Патрушев

Белый волк

Глава 1. Гора Серебряного Ветра

Рассвет над Пределом Семнадцати Зубцов наступал не так, как внизу, в долинах. Там солнце просто отодвигало полог ночи, заливая мир золотом. Здесь же оно воевало. Первые лучи бились о ледяные пики, раскрашивая их из мертво-серого в пронзительно-розовый, а затем в слепящую белизну, от которой слезились глаза даже у тех, кто прожил наверху всю жизнь. Воздух был колким, чистым до хруста. Каждый вдох обжигал легкие льдом и дарил пьянящее чувство пустоты, словно внутри становилось больше места для самого неба.

Алиса стояла на краю тренировочной площадки, вырубленной прямо в скале. Под ее ногами, обутыми в мягкие кожаные сапоги, стыла каменная крошка. На ней была простая туника цвета мокрого пепла, перехваченная широким поясом, и штаны из оленьей кожи. Никакой брони. Броня давала ложное чувство безопасности, а Генри по прозвищу Белый Волк учил только одной истине: безопасность — это миф, придуманный трусами. Есть лишь скорость, внимание и безупречная геометрия тела.

Ей было двадцать. Гильдия «Серебряная Стая» приняла ее восемь лет назад, когда ей едва исполнилось двенадцать, а руки еще помнили тепло материнской кухни. Сейчас эти руки стали жилистыми, покрытыми сетью тонких шрамов, а плечи приобрели тот хищный разворот, который бывает у людей, чьим единственным домом стало небо над пропастью.

В руках она держала меч. Для постороннего взгляда это был просто кусок отлично кованной стали длиной в три локтя, прямой, с простой крестовиной. Но те, кто понимал, видели текучую синеву дамасского узора вдоль лезвия. Меч назывался «Дыхание», и он весил почти двенадцать фунтов. Ни одна женщина во внешних землях не смогла бы поднять его двумя руками, не говоря уже о том, чтобы танцевать с ним.

— Опустит центр тяжести, Лисенок, — голос раздался со стороны казарм. Спокойный, глубокий, лишенный возраста.

Генри вышел на площадку. В свои пятьдесят с лишним он двигался абсолютно бесшумно. Его седые волосы были стянуты в тугий хвост на затылке, а левую половину лица пересекал старый шрам, уходящий под глазницу, — след когтей пещерного медведя-шатуна. Одет он был лишь в полотняные штаны, несмотря на утренний мороз. Кожа Белого Волка давно потеряла чувствительность к холоду.

— Ты машешь им, будто пытаешься отогнать мух, — продолжил Генри, остановившись в десяти шагах от нее. — Меч тяжелее тебя. Если ты будешь использовать силу рук, через

час твои дельты забьются молочной кислотой, и клинок выпадет сам.

Алиса ничего не ответила. Она закрыла глаза.

Она перестала чувствовать ветер, треплющий пряди ее рухлых волос. Перестала слышать скрип снега на дальних склонах и редкий крик орла. Она направила все свое сознание вниз, сквозь ступни, сквозь замерзший камень площадки, туда, где спал древний гранит горы.

Гильдия называла это «укоренением». Мистики южных монастырей называли это сбором Ци. Старик Бартоломью, библиотекарь гильдии, ворчал, что это просто законы рычага и гравитации, возведенные в абсолют. Как бы то ни было, результат был одинаковым.

Мир сузился до двух точек: центра ее ладоней, сжимающих рукоять, и острия клинка.

Она начала движение. Не рукой. Бедром. Левое бедро плавно провернулось вокруг воображаемой оси, проходящей через макушку. Энергия пошла вверх по позвоночнику, закручиваясь спиралью. Плечо осталось расслабленным. Локоть прижался к ребрам.

Первый взмах шел горизонтально, на уровне груди. Обычный воин вложил бы в него силу толчка ног. Алиса позволила силе самой прийти к ней. Клинок рассек воздух, но привычного свиста не последовало. Вместо этого раздался звук рвущегося пергамента — низкий, утробный гул.

Воздух перед лезвием уплотнился. Это не был визуальный

обман. Температура упала на несколько градусов. Молекулы воды в утреннем тумане мгновенно кристаллизовались, образовав идеально ровную, полупрозрачную плоскость шириной в ярд. Лезвие прошло сквозь эту невидимую преграду, и плоскость лопнула.

Взрыв ветра ударил в лицо стоящему вдалеке Генри. Седые волосы старика взметнулись, а незажженная трубка, которую он держал в зубах, вылетела изо рта и покатилась по камням. Поток воздуха, созданный простым горизонтальным ударом, прошел еще тридцать футов, сорвав тонкий слой наста с дальнего края площадки, и врезался в защитную стену крепости. Камни кладки загудели, как огромный колокол.

Алиса не остановилась. Движение бедра перетекло в поворот корпуса. Она нырнула под собственный порыв ветра, используя его инерцию. Ее ноги, казалось, едва касались земли, но каждый шаг вбивал новые трещины в вековой камень.

Второй удар пошел снизу вверх, диагонально. Классический восходящий *kesagiri*.

Но классическим он оставался ровно до середины траектории. Когда клинок достиг уровня плеча, запястье Алисы совершило невозможное микродвижение — кисть вывернулась внутрь, добавляя вектор вращения самому лезвию. Дамасская сталь превратилась в смазанную синюю дугу.

И снова физика отказалась работать по учебникам. Взмах не просто разрезал воздух. Он вытянул из пространства вла-

гу, пыль и остаточное тепло, создав вакуумный коридор. А природа, как известно, боится пустоты. Наружный воздух ринулся заполнить этот провал со скоростью пушечного ядра.

Смерч высотой в два человеческих роста сформировался и рассеялся за долю секунды. Он вырвал из промерзшей земли тренировочный столб из цельного дуба, вкопанный на четыре фута, переломил его пополам и швырнул щепки в сторону оружейной.

Тишина вернулась оглушающей. Только гудело в ушах да медленно оседала каменная пыль.

Алиса открыла глаза. Грудь тяжело вздымалась, но дыхание было глубоким, контролируемым. По вискам стекал пот, тут же превращаясь в ледяную корку. Мышцы спины вибрировали от пережитого напряжения, но пальцы крепко, уверенно держали рукоять «Дыхания».

Генри подошел к обломкам дубового столба. Наклонился, поднял щепку размером с палец. Она была срезана так чисто, словно прошла сквозь толщу воды, а не плотную древесину.

— Центровка сместилась на последнем дюйме, — сказал он, выпрямляясь. Голос звучал ровно, без удивления или восторга. За восемь лет он привык. — Если бы там стоял человек, твой второй удар отрубил бы ему голову вместе с правой ключицей. Аккуратность для мясников, Лисенок. Твоя задача — заканчивать бой до того, как он начнется.

Он бросил щепку обратно.

— Еще десять связок. И замедлись. Скорость без контроля — это просто паника, принявшая форму удара.

Генри отошел к краю площадки и сел на перевернутую деревянную кадку, достав кисет с табаком. Он дал ей пространство. Тренировка ученицы такого калибра требовала интимности между телом и пространством; лишние зрители ломают концентрацию.

Но они все равно смотрели.

Вся мужская часть Гильдии «Серебряная Стая» собралась на галерее верхнего бастиона и у входа в кузни. Двадцать человек. От юнцов-рекрутов, чьи пушок на щеках еще не знал бритвы, до ветеранов вроде Одноглазого Магнуса, чей левый глаз закрывала кожаная повязка, а спину навсегда согнуло после встречи с лавиной.

Они занимались своими делами. Кто-то правил точилом секиру, кто-то чистил сбрую, кто-то делал вид, что внимательно изучает карту перевалов. Но никто не работал. Руки замерли. Разговоры стихли сами собой пятнадцать минут назад, когда первые порывы «серебряного ветра» — фирменного знака Алисы — начали сотрясать стекла в казармах.

Молодой рекрут Томас, принятый всего месяц назад, смотрел на девушку так, будто видел воплощение древних легенд. Внизу, в городах баронов, женщины ткали полотно, рожали детей и варили эль. Здесь, на высоте девяти тысяч футов, правила иная арифметика. Выживание стоило слишком дорого, чтобы делить его по половому признаку. Но да-

же здесь, среди закаленных убийц чудовищ и наемников, то, что делала Алиса, выходило за рамки понимания.

— Третий год рвет камни, — тихо произнес Магнус, обращаясь скорее к своему протезу левой руки, чем к собеседникам. — Я помню день, когда эта девчонка впервые подняла «Дыхание». Думали, хребет себе сломает. А она сломала опорный брус в подвале. Просто попытавшись сделать замах в тесноте.

— Тише ты, старая калоша, — шикнул на него Марко, лучший лучник гильдии, чья левая рука была татуирована сложной вязью меток натяжения тетивы. — Хочешь, чтобы она услышала? У нее слух, как у рыси. Расстроится опять. Три дня будет ходить мрачнее тучи и жрать одну репу.

Все знали историю ее силы. Она не родилась такой. Первое время ее тренировки выглядели жалко. Она была быстрой, юркой, но любой щитоносец среднего звена ломал ее защиту одним хорошим толчком. Все изменилось в ночь Великого Обвала.

Тогда северный склон Предела проснулся. Миллионы тонн слежавшегося льда и гранита пошли вниз, грозя похоронить под собой нижний двор крепости, где жила половина гильдии. Мужчины схватились за кирки и начали лихорадочно укреплять подпорную стену. Они понимали, что проигрывают физике. Стена трещала.

Алиса тогда дежурила на внешней стене. Ей было четырнадцать. Она увидела, как многотонный валун, сорвавшийся

сверху, летит точно на группу строителей. Времени кричать не было.

Она прыгнула. Не побежала, а именно прыгнула с десятиметровой высоты, выставив вперед руки. Инстинкт самосохранения должен был превратить ее тело в мешок с переломанными костями. Но вместо этого она встретила падающий камень.

Она не пыталась его оттолкнуть. Она приняла его вес в свой центр, пропустила энергию падения сквозь себя в землю и... расширилась. Позже она описывала это как ощущение, что ее кости на мгновение стали полыми, а мышцы — стальными тросами. Она создала встречный импульс.

Камень рассыпался в мелкую щебенку. Сама Алиса пролежала без сознания три дня с треснувшими ребрами, но люди внизу выжили.

С того дня отношение к ней изменилось. Исчезла снисходительность старших братьев. Появилось нечто иное. Почти религиозный трепет. Эти двадцать мужчин могли голыми руками разорвать волка, они ходили против вооруженных отрядов и спускались в логова горных троллей. Но они знали предел человеческой плоти. А Алиса своим существованием доказывала, что предела нет. Есть лишь недостаток концентрации.

Они уважали ее тишину. Она никогда не повышала голоса. Никогда не кичилась силой. После тренировок она всегда шла помогать на кухне чистить котлы или штопать порван-

ную амуницию младших. Она лечила травами раны, которые сама же случайно наносила рекрутам во время спаррингов, если увлекалась.

Сейчас, делая очередную связку, она чувствовала их взгляды спиной. Теплые, тяжелые, полные опеки.

Свинг. Воздух застонал. С крыши конюшни, находившейся в тридцати футах, сдуло целую полосу соломы.

Поворот. Выпад. Ледяной наконечник невидимого копья вонзился в расщелину скалы на другой стороне ущелья, выбив фонтан гранитной пыли.

Для них она была не женщиной. Она была стихийным бедствием, которое научилось носить человеческую одежду и улыбаться уголками губ. Они доверяли ей свои спины в патрулях. Знали: пока Алиса держит «Дыхание», никакая тварь, спустившаяся с Вечных Льдов, не подобрется к лагерю ближе чем на бросок топора. Ее сила была их страховкой. Их гарантией того, что они вернутся к своим очагам.

— Достаточно, — голос Генри прозвучал мягче обычного.

Алиса замерла. Клинок смотрел острием в зенит. Она сделала резкий выдох, выпуская напряжение из мышц кора. Медленно, очень медленно опустила меч. Лезвие вошло в снег у ее ног, растопив его до черной земли. Пар зашипел.

Она подошла к наставнику.

Генри набил трубку, высек кресалом искру и затянулся. Сизый дым смешался с морозным паром его дыхания. — Сегодня лучше, — констатировал он. — Ветер перестал быть

злым. Стал острым. Злой ветер разрушает всё подряд. Острый выбирает, куда бить. — Я хотела спросить, мастер, — Алиса убрала меч в ножны, закрепленные за спиной. Рукоять торчала над правым плечом. — Почему мы называем это «Серебряным ветром»? В книгах магистра Беренгара написано про «Стальной шквал» и «Удар пустоты».

Белый Волк усмехнулся, отчего шрам на его лице побелел еще сильнее. — Потому что Беренгар писал свои книги, сидя в теплой библиотеке Ордена, попивая подогретое вино. Он никогда не слышал, как звучит настоящий удар. Мы живем на серебре, Лисенок. Посмотри на наши горы.

Он указал черенком трубки на восточный хребет. Скалы там действительно имели странный, пепельно-металлический оттенок. — Древние жилы метеоритного железа проходят глубоко под нами. Оно меняет состав льда, меняет плотность атмосферы. Когда ты разгоняешь клинок до скорости звука, тырываешь не просто азот и кислород. Ты рубишь металлосодержащий туман. Поэтому вспышки такие яркие, синие. Поэтому воздух звенит. Ты сражаешься не с пустотой. Ты сражаешься с самим сердцем этой горы.

Алиса посмотрела на свои ладони. На белые следы от мозолей. — Значит, гора позволяет мне это делать? — Горе плевать, девочка, — серьезно ответил Генри. — Гора вечна. Это ты позволяешь себе брать ее силу. Вопрос в том, зачем тебе столько.

Этот вопрос он задавал ей каждые полгода. И каждые пол-

года она отвечала одинаково: — Чтобы защищать.

Это была правда, но не вся. Где-то глубоко внутри, там, где обычные люди хранят детские страхи или несбывшиеся мечты, у Алисы жила темная, тягучая потребность. Потребность в весе. Когда она брала в руки «Дыхание», когда заставляла реальность прогибаться под волей своего замаха, она наконец чувствовала себя настоящей. Плотной. Той, кого невозможно сдуть сквозняком чужих решений.

Жизнь в Гильдии подчинялась строгому уставу. Подъем до рассвета. Чистка оружия. Патрулирование северных троп, откуда зимой спускались изголодавшиеся йотуны. Ремонт стен. Сбор редких кореньев на отвесных склонах. Это была честная, понятная жизнь. Жизнь стаи.

Но сегодня утром привычный ритм дал трещину.

Со стороны сигнальной башни, венчавшей самую высокую точку крепости, раздался сухой треск гонга. Один удар. Пауза. Второй. Третий.

Один-два-три. Код внешнего периметра. «Чужаки. Вооруженные. Просят убежища. Намерения неясны».

Галерея над ними мгновенно ожила. Забряцала сталь, зашнуровывались ремни кирас. Двадцать мужчин Гильдии превращались в единый механизм. Без криков, без суеты.

Генри поднялся, притоптав снег сапогом. Лицо его потеряло остатки утренней расслабленности, став похожим на высеченную из гранита маску. — Заканчивай водные процедуры, Лисенок, — бросил он через плечо. — Спускайся в ар-

сенал. Кажется, к нам пожаловали гости с той стороны Хребта Дракона. А оттуда просто так письма не пишут. Обычно приходят сразу с зубами.

Он ушел тяжелой, пружинистой походкой Белого Волка, готового к прыжку.

Алиса осталась стоять на площадке. Утренний ветер налетел с новой силой, пробираясь под тунику. Она посмотрела на свои руки, потом вдаль, на извилистую горную дорогу, змеей уходящую в густой хвойный лес у подножия.

Тренировка закончилась. Танец с воздухом остался позади. Начинаясь танец с людьми. И люди, в отличие от ветра, редко умели правильно реагировать на серебряные лезвия.

Она вытащила меч из снега. Вытерла капли влаги с дамасской стали мягкой тряпицей. Металл был теплым, почти горячим — он впитал жар ее крови и скорость ее намерения.

Алиса коснулась пальцами лба в коротком салюте пустой площадке, благодаря гору за урок, и пошла к лестнице, ведущей вниз, в теплую, пахнущую кожей, железом и мужским потом утробу крепости. День обещал быть долгим.

Глава 2. Спасённая из пепла

Гонг на сигнальной башне бил мерно, отсчитывая шаги приближающейся угрозы. Ритм «один-два-три» въедался в кости, заставляя кровь бежать быстрее. Но Алиса не слышала его.

Она стояла у края тренировочной площадки, там, где обледенелый камень переходил в отвесную пропасть, и смотрела вниз, на серую ленту тракта. Однако ее глаза видели не заснеженный лес и не каменные осыпи Предела Семнадцати Зубцов. Они смотрели сквозь время. Белый Волк научил ее этому: тело может находиться здесь и сейчас, чтобы держать меч, но разум волен уходить туда, где куется сталь воли. А сталь Алисы была выкована в огне.

Ей было шесть лет. Или около того — точный день своего рождения она узнала только со слов Генри, когда он нашел ее среди углей. В том возрасте дети обычно помнят вкус материнского молока или колыбельные. Алиса помнила запах жженных волос и сладковатый смрад горелой плоти, который намертво въелся в ее память, смешавшись с ароматом свежего хлеба.

Деревня называлась Тихая Заводь. Название издевалось над реальностью даже тогда. Она никогда не была тихой — кузнец стучал молотом от рассвета до заката, гуси орали так, что перекрывали звон, а по вечерам мужики спорили у трак-

тира до хрипоты. Но в тот день тишина стала абсолютной. Густой, тяжелой, как мокрое шерстяное одеяло.

Алиса лежала под перевернутой телегой, задыхаясь от жара. Дышать приходилось через щель между разохшимся деревом колеса и землей, втягивая в себя едкий дым пополам с ледяной крошкой поздней осени. Ее правое плечо пульсировало тупой болью — раскаленная цепь, брошенная кем-то из мародеров, прошила кожу. Кровь давно запеклась, склеив рукав льняной рубахи с мясом. Она не плакала. Слезы закончились еще вчера, когда первый крик разорвал вечерний воздух. Сейчас внутри нее была только выжженная пустыня.

Она видела их ноги. Тяжелые сапоги с железными набойками, месящие грязь и тлеющие головешки. Слышала их смех — громкий, сытый, лишенный всякого напряжения. Это были не солдаты регулярной армии; те хотя бы соблюдают видимость порядка. Это были наемники Барона-Паука, люди без знамен, которым заплатили серебром за то, чтобы граница северных земель очистилась от «лишних ртов» перед грядущей зимой.

— Проверь погреба, — раздался голос прямо над ее головой. Телега скрипнула, прогибаясь под чужим весом. — Староста любил прятать сидр внизу. И девок своих тоже.

Второй голос ответил лениво: — Да какие тут девки, Крыс? Одна мелюзга да старухи. Зола одна осталась. Босс сказал жечь всё дотла, чтоб даже сорняк не взошел.

Они пнули колесо телеги. Дерево проскрежетало по кам-

ням, сдвигаясь на полфута. Свет резанул по глазам Алисы. Она зажмурилась, вжимаясь в холодную землю. Сердце, казалось, остановилось вовсе. Если они заглянут сюда...

— Ладно, пошли. Жрать охота. В следующем селе хоть амбары целые будут. Шаги удалились. Скрип снега затих.

Но спасение не принесло облегчения. Оно принесло осознание масштаба катастрофы.

Алиса выбралась наружу только спустя час, когда луна начала бледнеть перед рассветом.

Тихая Заводь перестала существовать. От добротных бревенчатых домов остались лишь черные ребра печных труб, тянущиеся к равнодушному небу, словно пальцы грешников. Церковь сгорела изнутри, купол провалился, похоронив под собой всех, кто искал защиты у алтаря. Колокол расплавился и застыл бесформенным куском меди на ступенях.

Снег вокруг деревни был черным. Не грязным, а именно черным — перемешанным с жирной сажой и кровью.

Она шла по главной улице, спотыкаясь о трупы домашнего скота. Гуси валялись с перебитыми шеями, их белый пух разлетелся по всей округе, создавая жуткий контраст с багровым настом. У колодца лицом вниз лежала тетушка Марта, жена пекаря. Из спины у нее торчала рукоять крестьянского тесака. Рядом сидел пес Шмель, положив огромную голову ей на спину. Он был жив. Когда Алиса подошла ближе, пес медленно поднял на нее мутные, полные боли глаза, тихо заскулил и умер — просто перестал дышать, выполнив свой

последний долг охраны.

Алиса опустилась на колени рядом с ним. Она больше не чувствовала холода, хотя мороз этой ночью прихватывал лужи коркой толщиной в палец. Онемело все: пальцы ног, лицо, душа. Она посмотрела на свои руки. Они были черными по локоть.

Она пошла к своему дому. Крыша провалилась, обнажив скелет стропил. Внутри было темно и пахло гарью настолько густо, что этот запах, казалось, можно резать ножом.

Отец лежал у порога. Он успел схватить старый охотничий лук, но тетива была перерублена одним ударом тяжелого клинка. Стрела так и осталась зажата в его мертвой руке. Мать нашли у стола. Она пыталась спрятать младшего брата Алисы, Томми, которому едва исполнилось два года, в большой глиняной квашне для теста. Огонь добрался до них первым. Квашня лопнула от жара, превратившись в стеклянный саркофаг. Силуэты матери и ребенка навсегда впечатались в потемневшую керамику.

Алиса не закричала. Она подошла к столу, взяла самый крепкий ухват, которым мать доставала чугунки из печи, и ударила им по останкам квашни. Раз. Второй. Третий. Черепки полетели во все стороны, больно раня осколками ее босые ноги. Она била до тех пор, пока ухват не погнулся, а рука не повисла плетью.

Только тогда боль догнала ее. Физическая, настоящая. Она вспыхнула в плече, в ногах, в легких, отравленных ды-

мом. Мир поплыл. Девочка рухнула на бок прямо посреди черной трухи, которая когда-то была ее жизнью. Последнее, что она увидела перед тем, как тьма милосердно накрыла ее сознание — луч солнца, пробившийся сквозь дыру в крыше и осветивший одинокую муху, ползущую по стене. Жизнь всегда находит лазейку, даже там, где быть ее не должно.

Генри нашел ее случайно.

Белый Волк возвращался с неудачной охоты. Стадо горных козлов ушло выше, на перевалы, куда в такую погоду соваться было самоубийством. Его лошадь устала, сам он промок под ледяным дождем, перешедшим в крупу, и решил срезать путь через низину, где раньше стояла Тихая Заводь. Место считалось дурным уже тогда — слишком близко к землям вольных баронов, которые любили решать территориальные споры огнем.

Его конь захрапел и встал на дыбы, отказываясь идти дальше. Генри натянул поводья, успокаивая животное, и посмотрел вниз.

Среди сплошного черно-серого пейзажа ярким, режущим пятном выделялось пятно цвета. Синее.

Это было платье. Простенькое детское платье в мелкий василек, которое каким-то чудом не истлело в жаре пожара. Оно зацепилось за кусок обгорелой доски. А под доской, свернувшись в позу эмбриона, лежал ребенок.

Генри спешился. За тридцать лет службы на границе он

видел сотни таких картин. Дети, замерзшие в лесах, убитые ради забавы, съеденные зверьем. Обычно он проходил мимо. Гильдия учила прагматизму: один лишний рот в крепости мог стоить жизни кому-то из проверенных бойцов зимой, когда запасы иссякали. Спускать девочку вниз, в долины, означало отдать ее в сиротский дом Ордена Милосердия, откуда дорога вела либо в бордель, либо на каторгу.

Он подошел ближе. Наклонился. Девочка дышала. Редко, поверхностно, но грудь поднималась. На ней не было ни одной целой нитки — тряпье пропиталось водой и грязью. На правом плече зияла страшная, воспаленная рана от ожога.

Генри снял плащ. Закутал в него маленькое, почти неживое тело. Ребенок не проснулся, только слабо застонал во сне.

— Ну вот и приехали, — вздохнул Белый Волк, глядя на свою уставшую кобылу. — Теперь ты несешь двойной груз, старая развалина.

Дорога в горы заняла три дня.

Первые сутки Алиса металась в лихорадке. Инфекция в ране грозила убить ее вернее, чем наемники Барона-Паука. Она бредила, звала мать, пыталась отползти от кого-то невидимого, кричавшего голосом трактирщика из Заводи.

Генри держал ее руки, не давая разбить голову о деревянные стены своей кельи в верхнем ярусе крепости. Он знал эти конвульсии. Так ломает людей, встретившихся с истинным злом — не мистическим, а самым обычным, челове-

ским.

На второй день жар начал спадать. Она открыла глаза. Потолок комнаты был низким, сложенным из грубых балок. Пахло сушеными травами, костром и... табаком. Прямо над ней нависло лицо. Седая щетина, шрам через глаз и взгляд, абсолютно лишенный жалости. Только тяжелый, оценивающий интерес хищника, изучающего новую особь в своем ареале.

— Вода, — прохрипела она. Губы потрескались до крови.

Генри приподнял ее голову и поднес к губам деревянную чашку. Она выпила жадно, проливая половину на подбородок. Поперхнулась, зашлась кашлем, от которого легкие готовы были вылететь наружу.

— Тише, — буркнул Генри. — Лопнешь. — Где мы? — спросила она. Голос был похож на скрежет наждачного камня. — Там, где тепло. И где тебя не зарежут во сне. Пока что.

Она обвела взглядом комнату. На стенах висели связки чеснока, пучки полыни и огромный двуручный топор. На столе лежал разобранный арбалет. Никаких кружевных салфеток, никаких икон. Только инструменты смерти и выживания.

— Ты солдат? — спросила девочка. — Я наставник, — поправил он. — Наставник гильдии «Серебряная Стая». А теперь спи. Разговоры стоят сил, а у тебя их нет даже на то, чтобы моргать.

Он укрыв ее вторым одеялом и вышел.

Когда она окончательно окрепла — через месяц, благодаря дикому меду, бараньему жиру и какой-то горькой дряни, которой Белый Волк поил ее каждое утро — начались первые уроки.

В Гильдии не было детских комнат. Были казармы, оружейная, кухня и библиотека. Алиса жила в углу кельи Генри, отгороженной ширмой из невыделанных шкур.

Ее не пытались утешить. Никто не гладил ее по голове и не говорил, что родители смотрят на нее с небес. Однажды вечером, когда она снова заплакала, вспоминая смех отца у очага, Генри швырнул ей деревянный тренировочный меч.

— Хватит выть, — сказал он ровно. — Мертвым плевать на твои слезы. Им вообще на все плевать. Они удобрение для травы. Живым нужна твоя ярость. Направь ее в руки.

И она направила.

Детство Алисы прошло в непрерывном движении. Пока другие рекруты зубрили тактику боя строем, она бегала по стенам крепости. Пока они чистили кольчуги, она таскала воду из нижнего источника — две бадьи по пять галлонов каждая, привязанные к коромыслу, которое тяжелее ее самой. Ей не делали скидок на возраст или пол. Более того, требования к ней были завышены вдвое.

Старик Бартоломью, обучавший грамоте и истории, ворчал: — Ты убиваешь девчонку, Волк. Дай ей поиграть. Она же женщина, ей замуж выходить, детей рожать.

Генри тогда впервые ударил библиотекаря. Несильно, от-

крытой ладонью по затылку, но звук получился гулким. — Запомни, книжный червь, — процедил Белый Волк, нависая над стариком. — Женщина — это слово из внешнего мира. Здесь есть бойцы и мясо. Мясо мы кормим, бойцы держат стену. Если она завтра не сможет удержать щит против оголодавшего тролля, нас сожрут вместе с твоими пергаментами. Выбирай.

Бартоломью выбрал жизнь. И больше не заикался о куклах.

Мотивация Алисы родилась не из абстрактной любви к справедливости. Она выросла из липкого, животного страха. Страх оказаться слабой.

Каждый раз, беря в руки меч, она видела перед глазами не воображаемого противника, а тяжелые сапоги с железными набойками. Каждый блок деревянного шеста, каждый уход от удара ветерана отзывался в памяти спасением под телегой. Она тренировала свое тело до полного истощения, до кровавых мозолей и рвущихся сухожилий, потому что глубоко внутри верила: если бы она была сильнее тогда, шесть лет назад, если бы умела владеть оружием, отец остался бы жив. Мать успела бы убежать. Дом не превратился бы в золу.

Логика ребенка иррациональна, но для Алисы она стала религией. Сила равна выживанию. Слабость равна пеплу.

Отношения с мужчинами Гильдии складывались непросто. Сначала они игнорировали ее. Потом начали подтрунивать. Магнус Одноглазый однажды бросил ей вслед: — Эй,

Лиса-пустобрех, тебе клинок зачем? Ногти чистить или соп-ли вытирать?

Вечером того же дня Алиса прокралась в кузню, пока молот отдыхал, взяла пудовый молот и притащила его в казарму. Она вошла в общую залу, где ужинали двадцать мужчин, молча прошла к месту Магнуса, подняла молот обеими руками и с размаху опустила его на дубовую лавку рядом с ветераном. Лавка треснула вдоль, рассыпавшись в щепу.

Воцарилась мертвая тишина. Было слышно только, как трещат поленья в очаге.

Магнус медленно прожевал кусок мяса, вытер бороду и усмехнулся: — А зубы-то острые. Оставляй. Присмотрим.

Так она получила свое место. Не как воспитанница. Как странный, опасный младший брат, которого нужно опекать, но чью спину лучше иметь прикрытой в темном переулке.

Единственным, с кем стена отчуждения росла, оставался сам Генри.

Чем старше становилась Алиса, тем острее она чувствовала пропасть между ними. Он подобрал ее из грязи, дал оружие, крышу над головой и цель. Он заменил ей весь мир. И этот мир давил на нее гранитной плитой.

Она хотела не просто выжить. Она хотела стать *достойной* этого спасения.

Долгие ночи она проводила в библиотеке, читая трактаты о рыцарских орденах. Она искала кодексы чести. Идею долга. Она поняла простую вещь: спасти человека из огня — это

акт милосердия. Но вырастить из этого человека личность — это тяжелейший труд. Генри вложил в нее годы своей жизни, отказался от спокойной старости ради тренировок на ледяном ветру.

Если она сломается, если окажется недостаточно быстрой или недостаточно жестокой — значит, жертва Белого Волка была напрасной. Значит, она всего лишь отсроченная смерть той девочки в синем платье.

Страх разочаровать его был сильнее страха смерти.

Однажды, когда ей было семнадцать, после особенно жестокого спарринга, где она пропустила удар и заработала глубокое рассечение брови, Генри остановил бой. Он подошел к ней, зажимающей рану рукой, и впервые заговорил не как учитель.

— Почему ты так отчаянно лезешь вперед, Лисенок? — спросил он, протирая ее лицо влажной тряпкой с антисептиком (щипало немилосердно). — Тебе мало того, что ты можешь свалить быка одним щелчком? Зачем тебе эта одержимость?

Алиса тогда долго молчала, глотая соленый пот и кровь. Наконец она ответила, глядя в сторону: — Потому что вы меня вытащили. — Это было двенадцать лет назад. Долг закрыт. Ты отработала каждую миску похлебки сторицей. — Нет, — она мотнула головой. — Долг не закрывают едой. Если я стану такой же сильной, как вы... если смогу защитить целую деревню сама... тогда ваша ошибка будет исправлена.

Генри замер. Его пальцы, державшие тряпку, дрогнули. — Ошибка? — переспросил он очень тихо. — Вы оставили меня в живых, — голос Алисы дрогнул впервые за много лет, но это была не слабость, а прорывающаяся годами сдерживаемая боль. — Всех остальных убили. А меня бросили. Может, вам стало скучно. Может, пожалели платье. Но вы взяли меня сюда не из доброты. Вам нужен был эксперимент. Посмотреть, вырастет ли цветок на вулкане. И я буду цвести, мастер. Даже если корни сгорят, я буду тянуться вверх, чтобы доказать, что ваш выбор не был ошибкой.

Она ожидала гнева. Поощрения. Хоть чего-нибудь. Но Генри просто смотрел на нее своим тяжелым, непроницаемым взглядом еще несколько секунд. Затем он поднялся, бросил грязную тряпку в таз и ушел в ночь, плотно притворив за собой дверь.

После этого разговора тренировки стали еще беспощаднее. Но изменилось главное: Генри начал учить ее тому, чему не учил других. Философии пустоты. Той самой технике «Серебряного ветра», которую она демонстрировала сегодня утром. Он вкладывал в нее знания, опасные для самого владельца. Знания о том, как превратить собственное тело в проводник разрушительной энергии.

«Ты хочешь быть стеной? — часто спрашивал он, когда они стояли на краю ущелья. — Стену можно обойти или разбить тараном. Будь сквозняком. Проходи сквозь врага. Пусть он ломает руки о пустоту».

Сейчас, стоя на площадке под удары гонга, Алиса чувствовала эту пустоту внутри. Она приняла ее.

Воспоминания отступили, оставив после себя привычную ясность и легкий привкус пепла на языке. Гонги били «один-два-три». Чужаки. Вооруженные.

Она развернулась на каблуках. Двадцать пар глаз немедленно повернулись к ней. Мужчины заканчивали снаряжаться. Кто-то затягивал ремни наплечников, кто-то проверял натяжение тетивы. Марко уже мазал наконечники стрел особым составом, светящимся в темноте ядовито-зеленым — подарок шаманов восточных болот против троллей.

Алиса подошла к стойке с основным оружием. «Дыхание» осталось на площадке, отдыхать. Для ближнего боя в узких коридорах нижних уровней требовалось нечто иное.

Она сняла со стены пару коротких клинков-близнецов. Парные фалькаты с внутренней заточкой. Назывались они «Левый» и «Правый». Никакой поэзии, чисто утилитарная жестокость.

Металл лязгнул, покидая ножны.

— Магнус, Томас — нижний ярус, ворота внешней стены, — приказала она. Голос звучал ровно, без юношеской надломленности. — Марко, Вольфганг — восточная галерея, навесной огонь. Не давайте им сгруппироваться у лестницы.

Мужчины двигались мгновенно. Никто не оспорил приказ. Несмотря на возраст — многим из них она годилась в

дочери — статус лучшего фехтовальщика гильдии давал ей право голоса в бою. А ее способность чувствовать пространство делала ее тактические решения безупречными.

Она закрепила клинки на поясе и направилась к лестнице, ведущей в донжон, где располагался командный пункт.

Спускаясь по винтовой каменной лестнице, освещенной редкими факелами, Алиса думала о Генри. Он наверняка уже занял позицию на самом верху, у большого крепостного арбалета. Он будет смотреть в прицел, вычислять траектории и материться на ветер.

Она должна спуститься в караульное помещение. Проверить готовность гарнизона. Возможно, придется выйти лично к воротам, если парламентареры начнут вести себя дерзко.

Пепел прошлого больше не жег ее изнутри. Он стал топливом.

Внизу, в холле донжона, пахло кожей, железом и озоном — предвестником близкой бури. У массивных дубовых дверей, обитых бронзовыми полосами, стоял дежурный наряд.

— Доклад, — коротко бросила Алиса, подходя к начальнику караула, седому десятнику Йорику. — Ворота закрыты наглухо, госпожа, — басовито отозвался Йорик, опираясь на древко огромной алебарды. — Барабанщики на стенах задают темп. Подходы простреливаются. Мы насчитали около тридцати всадников. Без штандартов. Броня тяжелая, южного образца. — Южане в наших снегах? — Алиса нахмурилась. — Что им нужно? Перевал закрыт лавинами еще месяц.

— Говорят, везут послание от Совета Кланов, — неуверенно произнес молодой лучник из-за плеча Йорика. — Требуют убежища по закону Горного Братства. Грозятся выломать ворота, если не пустим.

Алиса криво усмехнулась. Закон Горного Братства действительно обязывал пускать путников в крепость во время пуржищ, иначе духи гор могли отвернуться от стражей. Но закон писался для заблудившихся пастухов, а не для тридцати бронированных конников неизвестного происхождения.

— Откройте малую калитку, — решила она. — Ровно на ширину цепочки. Я выйду.

Йорик хотел возразить — выпускать командира разведки навстречу вооруженному отряду было нарушением всех протоколов. Но он взглянул в глаза Алисы и промолчал. В них не было страха. Вообще. Только холодный расчет и отблеск далекого пожара, который так и не погас за шестнадцать лет.

— Цепочку подлиннее, — добавила она, проверяя, легко ли выходят фалькаты из захватов. — Чтобы гости не обиделись, если решат сунуть нос внутрь целиком.

Она вышла в промежуточный тамбур — узкую кишку между внешней и внутренней дверью. Ледяной ветер ударил в лицо, пытаясь сбить с ног. Алиса шагнула на подъемный мост.

Снаружи ждал отряд. Черные кони, покрытые инеем, тяжело переступали копытами. Люди в вороненых латах выглядели монолитной, угрожающей массой. Вперед выехал чело-

век на белом жеребце. В отличие от остальных, на его броне не было гербов, только тяжелый меховой плащ. Лицо скрывала маска-намордник, оставляющая открытыми только глаза — светлые, прозрачные, похожие на куски льда.

Всадник поднял руку в приветствии.

Алиса осталась стоять неподвижно, преграждая собой вход. Фигурка девушки в простой кожаной куртке на фоне тридцатилетних убийц в стали выглядела абсурдно.

Человек на белом коне чуть склонил голову. Его голос, искаженный маской, прозвучал глухо, но отчетливо, перекрывая вой ветра: — Я ищу мастера Генри. Белого Волка. Передай ему, что прибыл Каин. И что прошлое наконец нашло дорогу домой.

У Алисы перехватило дыхание. Имя «Каин» ничего не значило для большинства жителей этих мест. Но губы сами собой прошептали его, прежде чем она успела остановить мысль.

Это имя было вытатуировано на внутренней стороне предплечья Генри. Она видела его однажды, когда обрабатывала ему старую рану от медвежьих когтей.

Имя человека, который оставил Генри умирать восемнадцать лет назад.

Воздух вокруг нее начал стремительно остывать. Температура падала неестественно быстро. Снежинки, падавшие с свинцового неба, перестали кружиться и зависли в воздухе, обратившись в алмазную пыль.

Руки легли на рукояти фалькат.

Пепел никуда не делся. Он просто ждал момента, чтобы напомнить о себе.

Глава 3. Заказ из столицы

Воздух в тамбуре ворот стал твердым. Алиса чувствовала это кожей — микроскопические иглы мороза впивались в щеки, а каждый вдох царапал гортань. Температура падала не по законам природы. Это была физика ненависти, переведенная на язык термодинамики.

Человек на белом жеребце снял перчатку и небрежно стянул с лица кожаный намордник. Под ним оказалось лицо хищной птицы: острые скулы, тонкий нос и глаза цвета выгоревшего на солнце неба. Каин улыбнулся, но тепла в этой улыбке было не больше, чем в оскале черепа.

— Время никого не щадит, Белый Волк, — произнес он, глядя поверх плеча Алисы куда-то вверх, на галереи крепости. — Хотя седина тебе к лицу. Придает благородства твоей звериной натуре.

Алиса не двинулась с места. Она стояла между отрядом вооруженных до зубов наемников и тяжелой дубовой дверью, окованной бронзой. Двадцать ее братьев сейчас смотрели на нее сквозь бойницы. Марко уже держал стрелу наложенной на тетиву, его палец едва заметно дрожал от напряжения — лучники «Серебряной Стаи» славились тем, что бьют точно в глаз через смотровую щель шлема. Но они ждали знака. Не приказа короля или устава гильдии. Они ждали движения брови Генри.

Белый Волк появился на стене спустя минуту после того, как прозвучало имя. Он шел неторопливо, тяжело опираясь на перила. На нем не было доспехов — только плотный шерстяной плащ на голое тело. Ветер трепал его седые волосы, открывая шрам. Когда он остановился прямо над воротами, положив руку на рычаг сброса кипятка, воцарилась абсолютная тишина. Даже лошади внизу перестали фыркать.

Генри смотрел на всадника долго, секунд десять. Для тех, кто знал Белого Волка, это была вечность. Если бы перед ними стоял враг, эти десять секунд закончились бы дождем из кипящего масла и залпом арбалетов.

— Опустите мост, — глухо бросил Генри вниз, даже не взглянув на Йорика. — Лисенок, уйди с прохода. Живо.

Голос наставника ударил плетью. В нем не было гнева, лишь свинцовая усталость человека, который думал, что похоронил свое прошлое глубоко под снегом, а оно пришло само, постучалось в ворота и назвало хозяина по имени.

Алиса встретила взглядом с Каином. Его прозрачные глаза изучали ее без похоти, но с холодным научным интересом, словно энтомолог рассматривает редкую ядовитую осу, севшую ему на рукав.

— Она твоя? — спросил Каин у Генри, кивнув на девушку. — Свежая кровь? — Она моя ученица, — отрезал Генри. — И если ты хоть пальцем тронешь мою крепость, я скормлю тебя троллям живьем, старый друг. Открывай!

Йорик со скрежетом провернул колесо лебедки. Цепи

лязгнули, и тяжелая решетка медленно поползла вверх. Затем со скрипом, от которого сводило зубы, начали расходиться створки главных ворот.

Каин тронул пятками бока коня. Животное сделало шаг вперед, ступая на деревянные доски подъемного моста с грацией танцора. За ним двинулись остальные. Черная река стала и кожи потекла внутрь Предела Семнадцати Зубцов.

Совет собрался в Зале Клятв через час.

Место выглядело так же сурово, как и люди, его населявшие. Никакого золота, никаких витражей. Стены из грубо тесаного гранита, освещенные факелами, чад которых уходил в отверстие в потолке. Посередине стоял длинный стол из цельного ствола северной сосны. С одной стороны сидели двадцать бойцов Гильдии. Грязные, покрытые шрамами, пахнущие костром и порохом. С другой — один человек. Каин.

Он сидел свободно, закинув ногу на ногу. Его черные сапоги оставляли мокрые следы на камне. Рядом с ним на столе лежал тубус из черной кожи, запечатанный сургучом с оттиском королевской печати — разинутой пасти льва.

— Итак, — начал Магнус, нарушая затянувшееся молчание. Он крутил в пальцах свой любимый топор, поглаживая лезвие. — Ты появляешься спустя восемнадцать лет. Говоришь слова, за которые в приличном обществе режут глотки. И ждешь, что мы предложим тебе эля? Выкладывай, Птице-

лов. Какого демона тебе нужно от старого пса?

Прозвище «Птицелов» повисло в воздухе тяжелым камнем. Алиса видела, как напряглись челюсти мужчин вокруг. Это слово знали все в Гильдии, хотя произносили его шепотом, обычно добавляя эпитет «Предатель».

Каин проигнорировал выпад. Он достал из внутреннего кармана камзола серебряную табакерку, неспешно открыл ее и взял щепоть порошка. Втянул ноздрями. — Король предлагает работу, — спокойно сказал он. — Оплата щедрая. Настолько, что вы сможете перестроить эту берлогу в нормальный замок с паровым отоплением.

Генри, стоявший у стены, сложив руки на груди, издал сухой смешок. — Королю плевать на наши камни. Ему нужны клинки. Где горит на этот раз? — Юг, — Каин перестал играть в светскую любезность. Тон его стал жестким, деловым. — Провинция Дымных Топей. Баронство Раута. Три недели назад оттуда перестали приходить обозы с железом. Сначала думали на троллей. Потом нашли первый обоз.

Он выдержал паузу, обводя взглядом лица собравшихся. — Возницам вскрыли грудные клетки. Идеальным хирургическим разрезом. Сердца извлечены. А вместо них вложены раскаленные угли, которые сожгли внутренности дотла, но не тронули одежду. Мои следопыты говорят, это работа магов крови. Причем высокой ступени посвящения.

По столу прошелестел вздох. Вольфганг, штатный алхимик и лекарь гильдии, перекрестился. Твари болот боялись

железа и огня, они рвали добычу когтями. Люди убивали ради золота. Такое... такое выходило за рамки понимания обычного солдата.

— Зачем королю мы? — подал голос Томас. Юнец побледнел, но старался держать спину прямо. — У Ордена Света есть свои инквизиторы. Пусть едут жечь еретиков. — Инквизиторы поедут, — кивнул Каин. — Через месяц. Когда соберут армию, чтобы их самих не сожгли по дороге. Проблема в том, господин Томас, что маги-отступники захватили Серебряную шахту Раута. Единственную шахту, где добывают мифрил для чеканки королевской монеты. Если золото иссякнет до зимы, казна рухнет. Начнется гражданская война. Король не может ждать месяц. Ему нужен нож. Острый, быстрый и такой грязный, чтобы корону нельзя было замарать об него. Вам дадут грамоты чрезвычайных комиссаров. Право судить и миловать именем короны. Полный иммунитет.

Генри оттолкнулся от стены. Прошелся вдоль стола. Его шаги гулко отдавались под сводами. Остановился напротив тубуса с печатью. — Почему именно мы, Каин? Мы ушли из политики двенадцать лет назад. Мы охраняли границы. Мы резали бандитов. Мы не лезем в придворные интриги. — Потому что глава этих отступников называет себя Архитектором Плоти, — тихо ответил Каин. — А настоящее его имя — Элиран.

Это имя упало в тишину зала как капля кислоты.

Алиса почувствовала, как волоски на ее руках встают дыбом. Она посмотрела на Генри. Лицо Белого Волка превратилось в гипсовую маску. Только кадык дернулся, когда он сглотнул.

— Элиран мертв, — хрипло сказал Генри. — Я сам видел, как башня Обсерватора провалилась в разлом вместе с ним. Пятнадцать лет назад. — Разлом закрыли, Волк, — Каин впервые посмотрел прямо на старика. — А трупа никто не нашел. Зато теперь его последователи вырезают деревни целыми провинциями, собирая материал для чего-то грандиозного. Мне плевать на политику. Моя должность при дворе — Главный Гончий Пес. Меня спустили с цепи найти этого мясника. Но мне нужна свора, которая умеет работать в связке и не боится магии. Кроме вас, таких сумасшедших больше нет.

Он толкнул черный тубус через стол. Тот проскользил по дереву и замер перед Генри. — Здесь аванс. Две тысячи золотом. Вторая половина — когда голова Элирана будет лежать у ног короля. Или когда вы принесете доказательство, что его сердце перестало биться. Спускайтесь с гор, господа наемники. Столице скучно без ваших сказок.

Каин поднялся. — У вас сутки на сборы. Южные дороги опасны, но время дороже. Мой отряд проводит вас до Равнинного тракта, дальше пойдете сами. Лошади и припасы ждут внизу, в долине.

Он направился к выходу, бросив напоследок: — Рад ви-

деть, что ты хорошо заботишься о найденыхшах, Генри. Девочка выглядит... перспективно. Передавай привет Элей. Скажи ей, что старые долги имеют свойство возвращаться с процентами.

Дверь за ним захлопнулась с оглушительным стуком.

Тишина длилась ровно три удара сердца.

Затем Зал Клятв взорвался. — Это ловушка! — прорычал Одноглазый Магнус, хватаясь за рукоять топора. — Нас продали! Этот ублюдок всегда был гнидой! Он привел королевских ищеек к нашему порогу! — Он прав, мастер! — Томас вскочил, сжимая кулаки. — Мы не ищейки! Мы свободный отряд! Пусть столица сама варится в своем...

Рука Генри метнулась быстрее мысли. Он не достал оружия. Просто сделал два шага и открытой ладонью ударил Томаса в центр груди.

Удар не был жестоким. Он был окончательным. Молодой рекрут пролетел через весь зал, врезался спиной в гранитную стену и сполз по ней на пол, хватая ртом воздух. Легкие отказали от точечного сотрясения.

— Свободный отряд живет, пока платит за еду, мальчик, — голос Генри стал тихим, почти ласковым, и от этого звука у Алисы мороз пошел по коже. — Внизу зима. Наши запасы рассчитаны на полгода жесткой экономии. Золото короля позволит нам кормить людей еще год. Мы берем заказ. Вопрос закрыт.

Он повернулся к остальным. Взгляд Белого Волка давил физически. — Собирайте железо. Выступаем через четыре часа. До заката нужно пройти ледник, иначе застрянем до весны.

Мужчины начали подниматься. Медленно, переглядываясь. Дисциплина победила страх, но доверие к командиру дало трещину. Все знали историю предательства Каина. Никто не хотел быть разменной монетой.

Когда зал опустел, остались только двое. Учитель и ученица.

Генри подошел к столу, взял тубус, сломал сургуч и потряхнул на столешницу содержимое. Десять тяжелых мешочков звякнули о дерево. Он не считал деньги. Он смотрел на гербовую бумагу с приказом.

— Мастер... — начала Алиса. Она сделала шаг к нему. Впервые за много лет она не знала, какое слово подобрать. «Почему?» звучало слишком по-детски. «Мы справимся?» — глупо. — Элей, — перебил ее Генри, не отрывая взгляда от бумаги. — Сколько времени прошло с момента моего ухода? — Почти шестнадцать лет, — ответила она машинально. — Осенью будет шестнадцать. — Шестнадцать лет, — повторил он, словно пробуя цифры на вкус. — Знаешь, почему я забрал тебя тогда? Из-за твоего упрямства? Нет. Из-за того, что ты выжила там, где взрослые мужики ломались за день. Я увидел в тебе сталь. Свою сталь.

Он наконец поднял на нее глаза. В них плескалась такая

древняя боль, что Алисе захотелось отвернуться. — Каин был моим братом. Не по крови. По духу. Мы прошли вместе семь кругов ада. А потом он решил, что власть стоит дороже чести. Он подставил наш взвод под удар имперской гвардии, чтобы забрать себе контракт на устранение герцога. Выжил только я. Чудом. Меня вытащили местные крестьяне, которым я когда-то вправлял вывихи. Я дополз до Тихой Заводи, думая, что умираю. Там меня нашла маленькая девочка, которая смотрела на мой меч так, будто это была игрушка.

Генри сгрэб золотые мешочки обратно в тубус. — Теперь эта история догнала меня. Элиран... если Каин говорит, что он жив, значит, он жив. И он придет за нами. Старые раны любят соль. — Я готова, — сказала Алиса. Это были единственные слова, которые имели значение.

Генри усмехнулся краем губ. Сухо, невесело. — Готовность — это состояние ума, Лисенок. Сейчас я покажу тебе, что такое готовность тела.

Спуск с Предела Семнадцати Зубцов зимой считался самоубийством даже для опытных альпинистов. Но «Серебряная Стая» никогда не пользовалась обычными тропами.

Они вышли в сумерках. Ворота закрылись за ними с тяжелым вздохом. Впереди, утопая в снегу по брюхо, шла лошадь Каина. Сам предатель ехал шагом, указывая путь к скрытому серпантину, прорубленному в отвесной скале — старой контрабандистской тропе.

Гильдия двигалась колонной. Двадцать бойцов, нагруженных так, что походили на ходячие арсеналы. Алиса несла на себе меньше всех в плане веса брони, но больше всех в плане ответственности. Ее задачей было замыкать строй и следить за тылом.

Ледник встретил их воем ветра. Температура упала ниже тридцати градусов. Дышать приходилось через шерстяные шарфы, которые мгновенно покрывались коркой льда от выдоха. Каждый шаг требовал концентрации — под свежим снегом скрывались предательские трещины, способные проглотить человека целиком.

Алиса шла, используя технику «укоренения», которой учил Генри. Она не боролась с ветром, она пропускала его сквозь себя. Холод обжигал кожу, но внутри, в центре ее воли, горел ровный, жаркий огонь.

Она думала о словах Каина. *«Скажи ей, что старые долги возвращаются»*. Элей. Имя метафизической сущности, которую упоминал наставник лишь дважды. Первый раз — когда она спросила, откуда берется энергия для «Серебряного ветра». Второй — прошлой ночью, во сне. Алисе снилось, что она стоит в пустоте, и мягкий, женский голос спрашивает ее: *«Что ты отдашь за право решать?»*

Сейчас, скользя по краю пропасти, Алиса впервые задумалась: а существует ли Элей на самом деле? Или это просто удобная отговорка Генри, объясняющая его нечеловеческую силу? Способ привязать ученицу не только узами долга, но

и мистикой?

— Голову выше, правый фланг! — крикнул Генри откуда-то из головы колонны. — Марко, левее на пять градусов, там лавинный вынос!

Они шли восемнадцать часов подряд. Без привалов. Замерзшие, с лицами, превратившимися в белые маски. Когда первые лучи солнца коснулись нижних склонов, показался лес. Хвойный, густой, враждебный. Граница человеческого мира заканчивалась здесь.

Каин остановил коня на широкой поляне, окруженной вековыми елями. Здесь их ждал лагерь. Два десятка шатров, костры, запас фуража. Королевская предусмотрительность.

— Дальше ваши земли начинаются, господа, — Птицелов соскочил с седла. Ноги его, просидевшие в стременах почти сутки, даже не дрогнули. — Отсюда до Дымных Топей две недели пути по тракту. Я дам вам двух своих следопытов. Они знают болота. Советую слушать их, если не хотите свариться в трясине заживо.

Магнус спешил рядом с ним. Ростом он был на голову выше Каина. Огромная масса мышц, закаленная десятилетиями битв. — Почему ты не боишься поворачиваться к нам спиной? — спросил Одноглазый, поигрывая своим чудовищным топором. — Мы ведь можем передумать. Забрать золото и уйти охотиться на кабанов.

Каин медленно обернулся. Его светлые глаза встретились с единственным глазом Магнуса. — Потому что, Магнус, ес-

ли ты попытаешься воткнуть мне нож в спину, твой лучший друг Генри спустит с тебя шкуру живьем, натянет ее на барабан и заставит остальных маршировать под этот ритм. Вы не банда бродяг. Вы отражение его воли. А воля Белого Волка крепче адаманта. Приятного спуска.

Он запрыгнул в седло и, не прощаясь, направил коня обратно вверх, в горы. Вскоре стук копыт растворился в завывании ветра.

Первый день на равнине прошел в организационной суете. Генри разделил гильдию на три пятерки. Первая — разведка (Марко, Бартоломью-книжник, взявший с собой странные приборы из меди и стекла, и трое самых легких бойцов). Вторая — таран (Магнус, Вольфганг-алхимик и тяжелая пехота). Третья — маневренная группа, возглавляемая им самим.

В третью группу он включил Алису.

— Пойдешь со мной, — коротко бросил он, когда они распределяли пайки у вечернего костра. — Будешь моими глазами слева. И прикроешь спину, если старая дружба Каина окажется злопамятной.

Остальные восприняли это как должное. Лучший ученик идет с мастером. Но Алиса видела, как нахмурился Томас. Мальчишка явно рассчитывал проявить себя и получить место рядом с легендой.

Ночь прошла тревожно. Лес жил своей жизнью. Кто-то

крупный ходил в темноте между деревьев, хрустя валежником. Вольфганг подбросил в костры сушеный багульник — дым отпугивал мелкую нечисть, но крупные твари чихать хотели на травы.

Алиса дежурила вторую смену, с полуночи до трех утра. Она сидела на бревне, завернувшись в меховой плащ, и слушала дыхание спящих мужчин.

Сон не шел. Внутри зрело напряжение, похожее на ту самую спираль энергии перед ударом «Серебряного ветра». Но сейчас некому было выплеснуть это наружу.

Она достала из-за пазухи маленький тряпичный сверток. Развернула. Внутри лежал кусок оплавленного металла — всё, что осталось от квашни, в которой сгорел ее брат. Она сжала обломок в ладони. Металл был теплым.

Зачем мы идем туда? — подумала она, глядя на звезды сквозь лапы елей. — *За золотом? За королем?* Нет. Генри согласился не ради денег. Она видела его лицо в Зале Клятв. Он принял заказ, потому что имя «Элиран» выбило почву у него из-под ног. Страх учителя передался ей. Если призраки прошлого способны заставить Белого Волка сомневаться, значит, угроза реальна настолько, что гора серебра не сможет ее перевесить.

— Боишься? — раздался тихий голос.

Рядом с ней бесшумно возник Генри. Он не носил доспехов даже на марше, предпочитая многослойную кожу и кольчугу тонкой вязи. В руке он вертел трубку, но не курил.

— Нет, — честно ответила Алиса. — Я считаю шансы. Сорок вооруженных людей против банды магов. Магия нарушает законы физики. Наша сила работает только в рамках рычага и гравитации. Это неравный обмен.

Генри сел рядом. От него пахло дымом и озоном — запахом приближающейся грозы. — Ты думаешь оружием, — сказал он. — Меч хорош против плоти. Против идеи нужен щит другого рода. Элиран силен не потому, что знает тайные слова. А потому, что дает отчаявшимся людям надежду. Больную, искаженную, но надежду. Мы идем не убивать колдуна, Лисенок. Мы идем разрушать алтарь, которому он молится.

Он указал рукой на юг, где небо казалось чуть менее черным — там лежали большие города. — Там, внизу, люди забыли, что такое честь. Они продают детей за медяки и называют это экономикой. Они пресмыкаются перед властью и называют это патриотизмом. Элиран предложит им свободу от слабой плоти. Вечность в боли. И многие согласятся, потому что их нынешняя жизнь — тоже боль, просто растянутая во времени. Наша задача — напомнить им, что смерть честнее такого существования.

— А Элей? — вдруг вырвалось у Алисы. Вопрос прозвучал в ночной тишине слишком громко. — Та сущность, о которой вы говорили. Чьи потоки силы я использую. Она пойдет с нами?

Генри долго молчал, выбивая трубку о каблук. Искры уле-

тели в темноту. — Элей — это не существо, — наконец произнес он. — Это резонанс. Частота, на которой вибрирует мироздание, когда баланс смещается в сторону хаоса. Представь натянутую струну. Если ее тронуть — она звучит. Ты трогаешь ее своим гневом и волей. Я делаю то же самое. Но есть те, кто научился играть на этих струнах симфонии разрушения. Элиран — дирижер. Мы едем перерезать струны.

— Значит, вся моя сила... — начала Алиса. — ...всего лишь умение слышать музыку, — закончил за нее Генри. — Не зазнавайся. Скрипка не думает, что играет симфонию. Ее ведет рука мастера. Пока ты помнишь об этом — ты неуязвима. Как только поверишь, что источник в тебе самой — станешь уязвимой, как обычный смертный.

Он поднялся, разминая затекшую шею. — Спи, Лисенок. Завтра начнется грязь. Настоящая, вонючая грязь южных дорог. А послезавтра — кровь.

Оставшись одна, Алиса еще долго смотрела на тлеющие угли. Слова наставника должны были успокоить. Должны были дать точку опоры. Вместо этого они открыли ящик, который она годами пыталась держать закрытым.

Если ее сила — это дар внешнего резонанса, если каждое движение «Серебряного ветра» берет энергию извне... что остается от нее самой? Где заканчивается воля камня и ветра и начинается воля Алисы?

Страх оказаться слабым сменился новым, гораздо более глубоким ужасом. Ужасом потерять саму себя в процессе об-

речения могущества.

Утро началось с дождя. Мелкого, холодного, промозгло-го. Он превращал разбитый южный тракт в кашу из жидкой грязи и навоза.

Переход первых трех дней стер ноги половине гильдии. Одно дело — прыгать по сухим скалам родного Предела, другое — месить осеннюю распутицу, таща на себе сорок фунтов железа. Бойцы ворчали, проклинали короля, Каина и влажность, которая ржавчила клинки быстрее, чем кровь врагов.

На четвертый день они достигли первого крупного поселения — городка Бренное Поле.

Картина, открывшаяся им на рыночной площади, заставила замолчать даже вечно недовольного Магнуса.

Привязанность к графическому описанию сцены: виселица, установленная прямо посреди торговых рядов, еще не успела почернеть от времени. На ней болталось тело мужчины в одежде зажиточного купца. Но страшным было не это.

Под ногами повешенного, прямо в грязи, была выложена мозаика из человеческих зубов. Белых, желтых, сгнивших — сотни зубов образовывали сложный геометрический символ: спираль, сходящуюся к центру.

Вольфганг упал на колени рядом с рисунком, доставая свою сумку с инструментами. Его руки, привыкшие зашивать рваные раны, мелко дрожали. — Это не магия крови, — прошептал он, касаясь одного из зубов. — Это... сбор душ. В

некоторых запретных школах считается, что зуб хранит отпечаток жизненной силы последнего владельца. Это карта. Карта страданий.

К ним подошел староста города. Маленький, сгорбленный человек, кутавшийся в рванину. Он узнал цвета Гильдии и попытался спрятаться за телегой, но солдаты Генри взяли площадь в кольцо. — Господин... — пролепетал староста, не смея поднять глаза. — Они приходили неделю назад. Черные повозки без лошадей. Люди в масках. Сказали, что собирают дань для Великого Делания. Увели кузнеца. И троих детей. Сказали... сказали, что плоть — это тюрьма, и скоро они выпустят всех на волю.

Генри выслушал его молча. Затем вынул из кошелья золотую монету — новенькую, блестящую, с профилем короля. — Видишь этот металл, старик? — спросил он мягко. — На него можно купить еды на всю зиму. Можно купить шлюху. Можно построить дом.

Он сжал золотой пальцами. Монета жалобно хрустнула, превратившись в лепешку бесполезного мягкого металла. — А Элиран считает его мусором. Он хочет перековать сам мир. Запомни мое лицо, староста. И запомни лица моих людей. Скоро сюда придут перемены. Либо мои, либо его. Третьего не дано.

Он отдал изуродованную монету старосте. — Закопайте зубы. Сожгите виселицу. И молитесь любым богам, чтобы мы успели.

Вечером, сидя в выделенном им сарае на окраине, Алиса точила фалькаты. Камень скользил по стали с мерным шипением.

Томас подсел к ней. Он хромал — стер пятку в кровь, но гордость не позволяла просить лошадь. — Ты правда ничего не боишься? — спросил он, глядя на блики огня на лезвии. — Ни магов, ни смерти?

Алиса отложила камень. Провела пальцем по режущей кромке. Проверять остроту клинка таким образом — дурацкая привычка новичков, но ей нравилось чувствовать тонкую, опасную границу между контролем и увечьем. — Боюсь, — ответила она, не поднимая глаз. — Боюсь, что однажды утром проснусь и пойму, что во мне не осталось ничего, кроме эха чужой воли. Что та девочка из пепла умерла окончательно, уступив место идеальному оружию.

Она подняла взгляд на Томаса. В полумраке сарая ее глаза казались совсем светлыми, почти прозрачными, как лед. — Разница между нами, Томас, в том, что я позволяю своему страху идти впереди меня. Он расчищает дорогу. А ты пытаешься загнать его в угол. Поэтому твои ноги дрожат, а мои — нет.

В углу зашевелился Генри. Он не спал, просто лежал с закрытыми глазами, слушая разговор. Уголки его губ едва заметно дрогнули в подобии улыбки.

Урок продолжался. Прямо на марше, среди грязи, страха и запаха гниющего юга.

Через два дня пути ландшафт начал меняться. Земля стала пружинить под ногами. Деревья росли кривыми, черными, сочащимися бурой слизью. Воздух наполнился сладковатым ароматом разложения.

Они вступили в пределы Дымных Топей.

Впереди, насколько хватало глаз, расстилалось море туманного испарения. Из него торчали остроконечные верхушки мертвых елей, похожие на клыки гигантского зверя. Где-то там, в глубине этой гнойной язвы на теле континента, пряталась Серебряная шахта. И люди, решившие, что могут безнаказанно играть в богов.

Генри остановил коня. Достал карту, испещренную пометками Каина. — Здесь расходятся тропы, — сказал он, обращаясь к двум следопытам, приведенным Птицеловом. Следопыты выглядели странно: бледная кожа, непропорционально длинные пальцы и абсолютно неподвижные зрачки. — Куда ведет восточный брод? — В никуда, — проскрипел один из них голосом, похожим на треск сухого дерева. — Ил. Три локтя глубиной. Засосет броню вместе с хозяином. — Западная гать? — Старая. Держит пешего. Конницу придется оставить. Там живут Дети Тины. Они не любят шум.

Генри свернул карту. — Оставляем фургоны здесь. Коней — под нож, мясо засолить. Идти будем налегке.

Никто не возразил. Убить собственных лошадей, верных товарищей по переходу — тяжелый выбор. Но утопить животное в болоте, обрекая его на долгую агонию, было бы ак-

том трусости. Солдаты «Стаи» понимали разницу.

Алиса подошла к своей кобыле. Погладила бархатный нос. Вынула кинжал. — Прости, девочка, — прошептала она. — Такова цена пути наверх.

Лезвие вошло точно под основание черепа. Животное рухнуло мгновенно, даже не всхрипнув. Кровь была теплой и пахла жизнью.

Алиса вытерла клинок и посмотрела на юг. Туман Дымных Топей клубился, скрывая горизонт. Где-то там, в самом сердце миазмов, ее ждало первое серьезное испытание. Не тренировочный столб и не спарринг с ветеранами.

Там ждала философия, воплощенная в чужую боль. И учитель, чья собственная душа сейчас напоминала такую же гать — старую, готовую провалиться в любой момент под тяжестью возвращающегося прошлого.

Глава 4. Тени прошлого Генри

Ночь опустилась на Дымные Топи, накрыв болота тяжелым, влажным одеялом. Воздух стал густым и липким, пропитанным запахом гнили и тухлой воды. Где-то вдалеке раздавался протяжный вой — не волчий, а какой-то иной, искаженный эхом самой земли.

Алиса сидела у костра, завернувшись в плащ. Огонь отбрасывал пляшущие тени на лица спящих товарищей. Томас дремал рядом, прижавшись спиной к стволу поваленного дерева. Его дыхание было ровным, но во сне он вздрагивал, словно снова месил грязь южных дорог.

Генри ушел сразу после заката. Он всегда уходил один перед серьезными делами. Это был ритуал: Белый Волк должен был встретиться с тишиной, чтобы услышать свой собственный голос поверх шума толпы и ветра. Но сегодня Алиса чувствовала — дело не только в подготовке. Имя Элирана пробило брешь в его броне, и теперь из этой трещины сочился яд воспоминаний.

Она дождалась, пока Марко сменит дозорного, и бесшумно поднялась. Ноги утопали в мокром мху, каждый шаг сопровождался чавканьем. Лагерь гильдии спал тревожным сном людей, привыкших просыпаться от шороха тетивы, а не от колыбельной.

Генри нашелся на краю лагеря. Он сидел на корточках

у небольшого ручья, вытекающего прямо из тумана. Вода здесь была черной, маслянистой. Она не отражала звезд, просто поглощала свет, как бездна.

Он не обернулся на звук ее шагов. Должно быть, услышал их еще до того, как она решила идти. Или просто знал, что она придет.

— Не спится, Лисенок? — спросил он, не поднимая головы. Голос звучал глухо, без обычной металлической нотки.

Алиса остановилась в двух шагах за его спиной. Ей хотелось сказать что-то ободряющее, но слова застревали в горле. Вместо этого она просто села напротив, скрестив ноги по-турецки, и уставилась на черную воду.

Тишина длилась долго. Слишком долго для человека, который обычно заполнял паузы приказами или ворчанием.

— Ты помнишь, о чем мы говорили в сарае? — вдруг спросил Генри. — О страхе, который идет впереди?

Алиса кивнула, хотя знала, что он не видит. — Помню.

— Я солгал тебе, — произнес он так тихо, что ветер едва не слизнул слова с губ. — Страх нельзя пустить вперед. Можно только заставить его замолчать. А молчание страха — это ложь самому себе.

Он медленно достал из-за пояса нож. Простой рабочий клинок, не меч «Дыхание». Лезвие тускло блеснуло в свете далекого костра.

— Знаешь, почему я покинул двор короля? — продолжил он, вертя нож между пальцами. — Почему променял бархат-

ные камзолы и золотые шпоры на эту вонючую сырость?

Алиса сглотнула. Вопрос был риторическим, но она знала — сейчас ей позволят ответить.

— Потому что ты устал от интриг? — предположила она осторожно.

Генри издал короткий, лающий смех. Звук был настолько чужеродным этому месту, что даже лягушки в болоте затихли. — Устал? Нет. Я был молод тогда. Глуп. Горд. Меня называли Белым Волком не потому, что волосы поседели рано. А потому, что я верил в чистоту. В то, что честь можно носить как герб на груди, и она защитит тебя лучше любой кольчуги.

Он резко провел лезвием ножа по внутренней стороне предплечья. Раздался тихий, влажный хруст разрезаемой кожи. Алиса дернулась вперед, но замерла, увидев, что рана неглубокая. Кровь выступила темной бусинкой, скатилась по запястью и упала в ручей. Черная вода мгновенно окрасилась алым.

— Честь не защищает, Лисенок, — сказал Генри, наблюдая, как кровь растворяется в потоке. — Она делает тебя предсказуемым. Предсказуемых убивают первыми.

Он поднял руку, рассматривая порез. Лицо его в полумраке казалось высеченным из камня, но глаза... глаза были старыми. Старше самой горы, приютившей Гильдию.

— Король доверил мне охрану своей дочери. Принцессы Элеоноры. Девочке было десять лет. Красивая, умная, с гла-

зами цвета грозового неба. И такой же опасной, если вывести из себя. Мы патрулировали коридоры замка вместе. Я учил ее фехтованию. Она называла меня «дядей Генри», хотя родства между нами не было. Просто удобная форма обращения для бастарда при дворе.

Алиса слушала, затаив дыхание. Эта история была новой. До сих пор Генри никогда не говорил о своем прошлом.

— Был турнир. Большой праздник. Рыцари со всей страны съезжались, чтобы доказать свою доблесть. И среди них появился он. Граф Элиран де Морвиль. Мудрец, философ, магистр Ордена Серебряного Рассвета. Человек, чьи речи заставляли королей плакать, а простолюдинов — падать ниц. Он умел говорить так, что любая ложь казалась истиной, а любое предательство — жертвой ради высшей цели.

Генри перевел взгляд на Алису. В темноте белки его глаз сверкнули пугающе ярко. — Я видел, как он смотрел на принцессу. Не как отец смотрит на дочь. Как скульптор смотрит на идеальный кусок мрамора. Он хотел создать нечто совершенное. Идеального слугу. Идеальное оружие. Ему нужна была чистая душа, не тронутая грязью двора. А Элеонора была чиста, как горный снег.

Он сжал кулак, и свежая кровь брызнула на мокрую землю. — Я доложил королю. Сказал, что чувствую опасность. Что Элиран плетет заговор. Король выслушал меня. Поблагодарил. Назвал параноиком. Сказал, что Элиран — его старый друг и наставник. Что мои подозрения оскорбительны.

Голос Генри дрогнул, впервые за всю беседу. — На следующий день принцесса исчезла. Из запертой комнаты, охраняемой лучшими гвардейцами. Следов борьбы нет. Окно закрыто изнутри. Никаких зацепок. Только запах озона и странный символ, выжженный на ковре. Тот самый знак, который позже вырезали на зубах в Бренном Поле.

Он замолчал, позволяя Алисе осознать масштаб трагедии. — Король обвинил меня. Сказал, что я либо похитил ребенка, либо позволил ему сбежать. Моя репутация была уничтожена. Дворяне плевали мне вслед. Меня лишили звания, земель, всего. Осталось только имя. И ненависть.

— Но ты ведь не виноват! — вырвалось у Алисы. В ее голосе звенело возмущение несправедливостью. — Ты пытался защитить!

Генри горько усмехнулся. — Справедливость — это роскошь, которую могут позволить себе те, кто сидит в теплых креслах. Для тех, кто стоит на земле, есть только последствия. Я пришел к королю ночью. Потребовал обыскать покои Элирана. Клялся, что найду доказательства. Король отказался. Сказал, что если я хоть пальцем трону гостя, меня объявят вне закона.

Он поднялся одним плавным движением, стряхивая капли крови с руки. — Тогда я сделал единственное, что мог. Убил стражника у ворот и бежал. Скрылся в горах. Здесь, где законы заканчиваются там, где начинается туман. Я создал Гильдию. Стал наемником. Перестал быть рыцарем. Стал

оружием.

Алиса смотрела на него снизу вверх. Теперь она понимала, почему он взял ее. Почему тренировал жестче всех. Почему называл «Лисенком» — прозвище, которое когда-то дал ему король, намекая на хитрость и скрытность.

— Каин, — прошептала она. — Он был твоим другом? Тем, кому ты доверял спину?

Генри отвернулся к болотам. Туман клубился вокруг его ног, словно пытаясь поглотить целиком. — Да. Мы сражались плечом к плечу в трех кампаниях. Делили последний сухарь и последнюю женщину. Когда король выгнал меня, именно Каин предложил помощь. Дал денег, лошадей, карту безопасных троп. Я поверил ему. Поверил, что есть люди, которые не меняются.

Он с силой воткнул нож в мягкую землю у своих ног. — Он привел королевских ищеек к моему убежищу через неделю после моего побега. Они сожгли мою первую хижину. Я убил их всех. Кроме одного. Каина. Он стоял в стороне и смотрел, как пламя пожирает мое прошлое. А потом улыбнулся и сказал: *«Ты сам выбрал этот путь, Генри. Я лишь помог тебе стать тем, кем ты являешься сейчас. Свободным зверем».*

Слово «свободным» прозвучало как ругательство. — Зачем он вернулся сейчас? — спросила Алиса, вставая. Холодная роса намочила подол ее штанов. — Если он предал тебя однажды, зачем давать этот заказ? Почему не убить нас

втихую?

Генри наконец посмотрел на нее. В его взгляде читалась усталость тысячелетнего старца. — Потому что Элиран жив, Лисенок. И он набирает силу. Каин боится, что старый враг станет сильнее старого друга. Или хочет использовать нас как приманку. Или все сразу. Люди редко делают что-то одно.

Он вытащил нож из земли и вытер лезвие о штанину. — Мы идем туда, где все началось. В самое сердце тьмы. И я боюсь не смерти. Я боюсь узнать, что все эти годы я карабкался на гору только для того, чтобы увидеть, как мой главный кошмар улыбается мне с вершины.

Алиса сделала шаг к нему. Инстинктивно, не думая. Протянула руку и коснулась его окровавленного предплечья. Ее пальцы были холодными, но прикосновение оказалось неожиданно теплым.

— Ты не один, мастер, — сказала она твердо. — Я видела пепел. Я знаю, что такое терять всё. Я не позволю им забрать у тебя последнее.

Генри перехватил ее ладонь своей здоровой рукой. Сжал так сильно, что кости захрустели. Но боли не было. Была только связь — тонкая нить, протянутая через шестнадцать лет одиночества и огня.

— Ты выросла достойной сталью, Лисенок, — выдохнул он. — Но эта битва будет горячее, чем все твои тренировки. Готова ли ты сгореть?

Алиса посмотрела в темноту болот. Там, за стеной тумана, ждала шахта. Ждал Архитектор Плоти. Ждал человек, превративший жизнь Белого Волка в бесконечную охоту.

— Я уже горю, — ответила она. — Весь этот путь я шла к огню. Позволь мне войти в него вместе с тобой.

Генри отпустил ее руку. Отступил на шаг, возвращая себе привычную дистанцию командира. — Хорошо. Утром выступаем. Нам нужно добраться до старой шахты раньше, чем Элиран закончит свое Великое Делание.

Он развернулся и пошел к лагерю, оставляя за собой кровавый след на влажной земле. Алиса осталась стоять одна у черного ручья. Ветер шевелил ее волосы, принося с собой шепот болот.

«Пепел остается пеплом, сколько бы раз ты ни строил на нем дом», — прошелестел голос, похожий на шелест сухой травы.

Алиса вздрогнула. Этот голос она слышала только во снах. Голос Элей.

Она сжала рукоять фалькаты. Внутри нее, там, где билось сердце, разгорался новый огонь. Не тот, что сжигает деревни дотла. Другой. Огонь решимости.

Завтра они спустятся в ад. И если прошлое Генри готово восстать из мертвых, значит, оно встретит достойного противника.

Потому что Алиса больше не боялась теней. Она сама становилась тенью, способной прогнать любую тьму.

Глава 5. Дорога вниз

Рассвет в Дымных Топях не приносил света, он лишь менял оттенок серого с пепельного на грязно-желтый. Туман стал плотнее, оседая на лицах бойцов липкой росой, которая пахла стоялой водой и медью.

Гильдия «Серебряная Стая» свернула лагерь за двадцать минут. Это был отработанный до автоматизма механизм: ни лишних слов, ни суеты. Огонь залили болотной жижей, следы кострища забросали мхом. Когда последние ремни походных мешков были затянуты, от ночевки осталась только примятая трава.

Генри шел впереди группы вместе со следопытами Каина. Эти двое существ — людьми их назвать было сложно из-за бледности кожи и странной, ломаной пластики движений — скользили над трясинной так, словно гравитация имела к ним опосредованное отношение. Они указывали путь шестью, прощупывая дно там, где глаз видел лишь обманчивую зелень ряски.

— Левее, Волк, — проскрипел один из них, которого звали Шип. — Там старая гать времен Первой Империи. Камень выдержит твой вес, если ступать по центру плиты. Но она ведет через логово Плакальщиц.

Генри молча кивнул и свернул левее. Алиса шла замыкающей, как и положено заместителю командира разведки. Она

двигалась бесшумно, перенося вес с пятки на носок, используя технику «скольжения», которой Генри мучил ее первые три года. Каждый шаг требовал абсолютного контроля центра тяжести. Одно неверное движение — и болото заберет тебя без единого пузыря.

Плакальщицы дали о себе знать ближе к полудню. Сначала это был звук — тонкий, вибрирующий плач, который проникал под черепную коробку и заставлял зубы ныть. Казалось, что ветер воет в щелях старых костей.

Затем они увидели источник звука. Слева от тропы, посреди зарослей сухого камыша, торчал остов перевернутой лодки. На нем сидело существо. Оно выглядело почти как женщина: длинные спутанные волосы, тонкие руки. Но кожа ее была зеленоватой, покрытой слизью, а глаза — абсолютно белыми, лишенными радужки. Она раскачивалась взад-вперед, обхватив себя руками, и выла голосом потерявшегося ребенка.

Молодой рекрут Эдвин, шедший в середине колонны, всхлипнул. Его лицо исказилось от невыносимой тоски. Он сделал шаг в сторону плакальщицы, разжав пальцы. Его секира с глухим плеском ушла в воду по самую рукоять.

Алиса среагировала раньше, чем мозг успел обработать команду. Она метнулась назад, преодолев десять футов одним прыжком, схватила Эдвина за воротник кольчуги и дернула на себя с такой силой, что лопнули кожаные завязки его шлема. Парень рухнул на спину, тяжело дыша, взгляд начал

медленно проясняться.

— Не смотри ей в глаза! — рывкнула Алиса, заноса открытую ладонь для хлесткой пощечины. — И не слушай!

Удар привел его в чувство. Эдвин закашлялся, выплевывая мутную воду, и посмотрел на девушку с ужасом и благодарностью.

— Спасибо, Лисенок, — прохрипел он.

— Встань в строй, идиот, — бросила она, даже не обернувшись. Ее внимание снова переключилось на периметр.

Вольфганг-алхимик достал из поясной сумки флакон с густой янтарной жидкостью и швырнул его в сторону плакальщицы. Стекло разбилось о корягу. Вспыхнуло густое оранжевое пламя, мгновенно поглотившее и дерево, и существо. Вой оборвался визгом, переходящим в шипение пара. Запало паленой резины и горелой шерсти ударил в ноздри.

— Иллюзия? — спросил Томас, стараясь унять дрожь в руках. — Хуже, — ответил Вольфганг, доставая следующий флакон. — Эмоциональный паразит. Высасывает волю к жизни быстрее, чем лихорадка высасывает кровь. Если бы Лиса тебя не вытащила, ты бы просто лег в грязь и уснул навсегда. Хороший способ умереть, кстати. Тихий. Жаль только, некому похоронить.

Они шли еще шесть часов. Солнце так и не показалось, увязнув в свинцовой пелене облаков. Ноги наливались свинцом. Кожа под портянками превратилась в сплошную мозоль.

Когда тени начали удлиняться, пейзаж изменился. Деревья стали выше, корни ушли глубже. Под ногами захрустел не торф, а щебень. Болото отступало, уступая место редколесью. А затем Генри поднял руку, останавливая колонну.

Впереди, сквозь стволы сосен, проступило нечто чужеродное этому дикому краю. Прямая линия. Серый камень. Тракт.

Южный тракт Королевства. Гладкие булыжники, подогнанные друг к другу так плотно, что между ними не пробиался даже сорняк. Символ цивилизации. Символ людей.

Бойцы «Стаи» замерли, глядя на дорогу, как волки смотрят на капкан. Для них этот серый камень был страшнее любой топи. В трясине правила природа — понятная, честная в своей жестокости. Здесь правили люди. А люди всегда лгут.

— Надеваем плащи, — приказал Генри. — Кольчугу спрятать под одежду. Оружие держать при себе, но так, чтобы патруль городской стражи не видел больше кухонного ножа. Мы идем в город как путники, а не как армия.

Город назывался Портовая Пристань. Хотя моря здесь не было и в помине. Стоял он на слиянии двух великих рек, которые впадали в Южный залив далеко внизу. Город жил торговлей, потом, речной солью и дешевой рыбой.

Для Алисы, никогда не видевшей ничего крупнее рыночной площади крошечного Бренного Поля, вход в городские ворота стал ударом по всем органам чувств.

Запахи обрушились первыми. После стерильного холода

гор и кислого запаха болот, воздух города казался физическим препятствием. Смесь конского навоза, жарящегося на углях мяса (приторно-сладкого, с нотками прогорклого жира), нечистот, выплеснутых прямо из окон верхних этажей, и тяжелого аромата благовоний из храмов. У Алисы закружилась голова. Желудок свело спазмом.

Звуки били наотмашь. В горах тишину нарушал только вой ветра или треск льда. Здесь же стоял непрерывный гул. Скрип сотен телег, мычание коров, которых гнали на убой, гортанные крики зазывал, детский плач, звон кузнечных молотов, ругань грузчиков и отдаленный колокольный набат. Звук имел плотность. По нему можно было идти, как по воде.

Люди. Их было слишком много. В крепости жили двадцать мужчин, чьи лица она знала лучше своего отражения. Здесь же человеческая река текла по улицам, состоящая из тысяч незнакомцев. Купцы в ярких шелках, задевающие плечом нищих в гниющих лохмотьях. Монахи в коричневых робах, бубнящие молитвы. Солдаты городского гарнизона в блестящих латах, возвышающиеся над толпой, как ходячие башни. Женщины с корзинами, наполненными живой птицей, которая отчаянно хлопала крыльями.

Алиса инстинктивно прижалась спиной к стене дома, пропуская мимо себя поток тел. Сердце колотилось где-то в горле. Ей казалось, что каждый из этих людей смотрит на нее, оценивает потертость ее куртки, рукояти фалькат, пре-

дательски оттопыривающие ткань сзади, синяки под глазами после бессонных ночей в болотах.

— Не столбеней, — раздался рядом голос Магнуса. Огромный ветеран навис над ней, как скала. Его лицо, обычно суровое, сейчас выражало крайнюю степень безразличия. — Закрой рот, ворона залетит. И дыши ртом, иначе стошнит прямо на сапоги советнику мэра. Нам скандалы не нужны.

— Как они живут... вот так? — прошептала Алиса, провожая взглядом даму в платье, которое стоило больше, чем вся амуниция Гильдии. Платье было цвета весенней листвы, расшито настоящим жемчугом. Рядом с ней семенил карлик, державший зонтик от солнца.

— Они умирают точно так же, — буркнул Магнус, проталкиваясь вперед. — Только воняют при этом сильнее. Швели ногами, девочка. Нас ждут в «Золотом Кабане».

«Золотой Кабан» оказался трехэтажным зданием из почерневшего кирпича, втиснутым между рыбной лавкой и красильней. Вывеска скрипела на ветру, изображая животное настолько жирное, что оно едва держалось на четырех ногах. Запах внутри соответствовал названию улицы — Кисельной — смесью прокисшего пива, блевоты и мокрой псины.

Генри остановил всех в общем зале, подняв руку. — Рассредоточиться. По двое. Еда, вода, комнаты. Никаких драк. Ни одного трупа в черте города. Если кто-то из вас напьется

до пороссячьего визга и потеряет оружие — пойдет дальше голышом. Время сбора — рассвет. Вопросы?

Вопросов не было. Бойцы тут же растворились в полумраке таверны, занимая дальние столы. Генри подозвал хозяина заведения — одноглазого толстяка с татуировкой якоря на лбу. — Три лучшие комнаты. Ужин на четверых. Меня не беспокоить.

Он выбрал стол в самом темном углу, откуда просматривались оба выхода. Алиса села напротив. Томас плюхнулся рядом, жадно глотая эль, принесенный подавальщицей, даже не проверив, мыл ли тот кружку.

— Это безумие, мастер, — выдохнул Томас, вытирая пену с усов. — Я думал, в городах чище. — Чистота — удел мертвецов, — философски заметил Генри, снимая перчатки. Его руки огрубели от поводов и меча, но все еще сохраняли аристократическую форму кисти. — Смотри внимательно, Лисенок. Запоминай анатомию толпы. Видишь того типа в углу? Руки под столом. Скорее всего, нож. Обкрадывает пьяных матросов. Тот парень у стойки — карманник. Работает парой с женщиной в желтом чепце. Видишь, как она прижимается к купцу? Отвлекает бедром, пока рука лезет в кошель.

Алиса пила воду мелкими глотками, сканируя зал. Теперь, когда учитель подсветил детали, хаос превратился в схему. Люди двигались предсказуемо. Страх, жадность и похоть читались в их позах четче, чем буквы в книгах Бартоломью.

Дверь таверны распахнулась, впуская порыв холодного вечернего воздуха и троих новых посетителей.

Первым вошел человек-гора. Ростом под семь футов, плечи шириной с дверной проем. На его нагруднике из черной бронзы была выбита оскаленная морда кабана, залитая красным лаком. За ним вошли двое: один худой, как щепка, с лицом хорька, второй — квадратный, с перебитым носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.